

Таким образом, наименование населенных пунктов, в основе которых лежат цвета черный, белый и красный, в основной своей части не имеют цветового значения, а реальные значения данных топонимов на сегодняшний день, к сожалению, забыты.

Литература

1. Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник. – М.: Московский рабочий, 1981. – 416 с.
2. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.В. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., – М.: Русский язык, 1985. – 800 с.
5. Словарь смоленских говоров. – Выпуск 1. – Смоленск: СГПИ, 1974. – 310 с.
6. Суперанская, А.В. Что такое топонимика? / А.В. Суперанская. – М.: Институт языкознания, 1985. – 130 с.
7. Шемякин, Ф.Н. Язык и чувственное познание. / Ф.Н. Шемякин // Язык и мышление. – М.: Русск.яз., 1965. – С. 16-18.

И.А. Ионова (Славянский университет, Кишинев, Молдова)

РУССКОЕ КИШИНЕВСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ: ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОЧНИКАХ СВОЕОБРАЗИЯ

В Кишиневе, как и в любом большом городе с многонациональным населением, для межэтнической коммуникации в неофициальных сферах используется просторечие, колоритность которого обусловлена взаимовлиянием контактирующих языков и культур. Уникальной в этом плане является лингвистическая ситуация в Одессе, которая с момента ее основания, заселялась людьми разных национальностей. Под влиянием цивилизационных, экономических, социально-политических и этнических процессов, повлиявших на жизнь городской общины, здесь на лексической базе русского языка сформировалось городское койне [8]. В Кишиневе подобного общего языка не существует. Однако местное русское просторечие, как и в Одессе, выплывало в поликультурном многоязычном социуме. Но состав культур и языков, взаимодействующих в этом котле, их пропорции, были иными.

Основные ингредиенты получившегося языкового коктейля называет в своем стихотворении Александра Юнко: *Перекресток бессарабский, // Переулок тарабарский, // Где звучит, куда ни выйдешь, // Русский, что ли, чи молдавский, // Украинский, то ль болгарский // С переходами на идиши. ... // С детства этот сочный суржик // Я жевала, точно коржик, // Разно-речьем упиваясь. // До сих пор в стихотвореньях // Расставляю ударенья // По наитию, покажись! ... // Где же ты, мой бессарабский, // Горький, нищий, но не рабский, // В Бога, душу и царя, // Магальской, блатной, армянский, // Гагаузский да цыганский?.. // Нет такого словаря [10; 13]. «Переулок тарабарский», видимо, не только улочка на Пушкинской (раньше Инзовой) горке в Кишиневе, но и вся Молдова – своего рода перекресток Запада и Востока, Севера и Юга. В ряду определений у А.Юнко важно слово «магальской». «Магальской» язык – это язык магалы (махалы). В русском языке такого слова нет; отсутствует оно и в популярном «словаре» В.Смирнова [6], хотя одна из колоритных одесских реалий может быть названа именно так. В. Смирнов пишет: *«Мы росли в пропитанных одесским духом, кулинарией и языком дворах, за черту которых изначально была выведена национальная составляющая, и все были друг другу своими, роднее любой мишутхи» [7; 64]. Т.В.Зайковская, исследующая языковые картины мира этносов Молдовы, определяет понятие так: «Магала – это часть села, часть довольно большая, по тем или иным признакам (местонахождение в верхней или нижней части поселения, граница в виде речки или ручья, преобладание жителей определенной национальности – ср. болг. **циганска махала** – и т.п.), обособленная от других его частей, где жи-**

вут, в основном, дружелюбно настроенные по отношению друг к другу люди, ощущающие, что все вместе они составляют некое единство, общность» [2; 61].

Слово *магала* часто встречается в произведениях молдавских писателей, повествующих о жизни села или поселка: *Василе Гацанук ... не из нашей махалы, хотя наполовину как бы и свой. Его летняя кухня выходит к нам, а дом – на другую сторону, в соседнюю махалу. И ворот у него тоже двое – на две махалы. Через одни входят слухи и враки с нашего конца, через другие – с ихнего* [3; 39].

Понятие «магала» было актуальным для жителей Кишинева в XIX в. и имело выраженную этническую окраску. Об этом свидетельствует, например, рассказ В.Малиновского (псевдоним *Тартарен из Тараскона*) «Баба Чана» (подзаголовок «Из кишиневских нравов»), опубликованный в 1889 г. в «Бессарабском вестнике». Действие происходит в болгарской магале, которая является не столько местом, сколько коллективным персонажем – свидетелем событий, их участником и судьей.

В рассказе отразилось стирание этнокультурного своеобразия магалы: *«Свадьбу отпраздновали на славу, но, к великому огорчению магалы, а ла франко, по-европейски...»* [9, 206]. Имена, характеры, род занятий обитателей магалы даже не обозначены. Она предстает неким организмом, который отторгает от себя человека, нарушившего нравственные законы сообщества. Молодая жена героя рассказа Михалуцэ (сына болгарского переселенца бай Стефана) невзлюбила его мать бабу Чану и, при попустительстве мужа, свела ее со света: *«Если магала при жизни бабы Чаны открыто не выражала Михалуцэ порицание за его обхождение с матерью, за такое явное пренебрежение баитинскими [отцовскими – И.И.] обычаями, твердо коренящимися еще в быту как задунайских, так и местных болгар, то поступала так единственно из уважения к старухе. ... Но после смерти бабы Чаны ... магала круто изменила с ним свое обращение. На поклонь Михалуцэ отвечали неохотно; ... все избегали вступать с ним в новые сделки ... и Михалуца очень скоро сделался отрезанным ломтем на магале, где он родился и вырос ... Если он отправлялся к кому-нибудь в гости – его принимали так сухо, что он не решался заглянуть туда в другой раз. К нему никто не заглядывал, и даже на Великий день, когда вся магала, по заведенному исстари обычаю, обменивалась визитами, ему пришлось проскучать одному ...»* После смерти дочери герой спился, забросил дела и, наконец, *«исчез из дома, исчез из магалы, исчез из города»* [9; 208-210].

Слово «магала», видимо занесенное в эти края османскими завоевателями, прочно укоренилось на молдавской земле. Приехавший в Молдавию в середине 50-х годов XX в. Леонид Казаков, комментируя его употребление в одном из стихотворений, где *«на праздник пришла вся магала»*, пишет: *«Я успел застать время, когда обитатели отдельно взятой магалы казались не столько соседями, сколько родственниками. Впрочем, родственников среди них тоже было немало»* [4; 64].

В Кишиневе и сегодня есть микрорайоны (не в административном, а в территориальном понимании), внешне напоминая село, с одноэтажными домами, сохранившимися с XIX в.; есть такие даже в центральной, исторической части города. «Статус» магалы получали пригородные села, которые постепенно вживлялись в растущий город, а также кварталы сравнительно новой (второй половины XX в.) застройки, где селились приезжие из сел Молдовы и рабочие близлежащих промышленных предприятий. Современная кишиневская магала лишена национального колорита; у слова актуализировались социальные коннотации, оно может употребляться в значении «окраина города». Своего рода ячейка магалы – это «двор», обычно многонациональный и многоязыкий, в котором обитатели старых одноэтажных домиков знают о соседях всю подноготную. Характерное для послевоенного Кишинева русско-украинско-еврейско-молдавское просторечие зафиксировано в повести Александра Гольдмана «Монолог»: *Я говорю, что у Пилины (Полины – И. И.) был муж, по двум причинам. Во-первых, у*

Сашки много лет была зазноба – проводница по имени Верка (мать и дочь называли разлучницу, как немецкую промышленность, – Вэркэ). Во-вторых, Сашка умер. В тюрьме. ... Все вышеизложенное как-то раз дало Доре Моисеевне толчок для следующего монолога во дворе: – Когда Сашке первый раз увязли, то Пилина пошла ык товарищ прикороль, и сказала, что Сашке – честный человек. А что он повез ыв Одессе камеру от МАЗ, полную ыс водкой, так его просили передать... Так товарищ прикороль понял, что Пилина – честная женщина, и сказал ей: “Пилина, идите домой. И как вы придете домой, фуражка вашего Сашке будет висеть на вешалку, как и висела!” И Пилина пошла домой, и фуражка таки висела, как и висела... но Сашке не было. Он уже опять ушел ык своей Вэркэ [1; 22].

Очевидно, что Дора Моисеевна – человек малообразованный: чего стоит только «товарищ прикороль» (прокурор). В ее речи чувствуется влияние украинского языка (увязли, пошла, опять), молдавский отразился неправильными предложно-падежными сочетаниями *полная с водкой, висеть на вешалку* и др. Монолог свидетельствует и о некотором сходстве кишиневского просторечия с одесским койне: фуражка беспутного Сашке «*таки висела*» на вешалке. Закljučая один из эпизодов «с речеведческим уклоном», А.Гольдман резюмирует: «...если говорить честно, “той” (укр. – И.И.) у нас еще в Кишиневе русский язык» [1; 22].

Свой лексический, грамматический и фонетический вклад в «тот еще язык» внесла и еврейская магала. Р.Я.Клейман и И.Э.Шихова пишут о строках Д. Кнута «*особенный еврейско-русский воздух...// Блажен, кто им когда-либо дышал...*», что в них выражена «своеобразная этнокультурная самоидентификация автора, рожденная бессарабской реальностью ... Эта формула, вероятно, может быть воплощена во многих вариантах: особенный, молдавско-русский воздух; или, например, особенный, цыганско-русский воздух и т.д. Ибо этот своеобразный этнокультурный интеграл – наше общее достояние. Это тот воздух нашей духовной культуры, тот исторический “дым отечества”, которым все мы дышим, естественно и органично» [5; 71].

Законодательно прописанная фильтрация «воздуха духовной культуры» Республики Молдова от русского компонента за последние два десятилетия заметно изменила языковую атмосферу страны и города. Это в полной мере проявилось в подотчетных государству сферах – официально-деловой, образовательной, агитационно-массовой. Русская речь стала реже звучать и на улицах столицы. «*Мой город // меня не узнает // не говорит по-русски*», – пишет сегодня А. Юнко [11; 78]. Однако лингвистическое законодательство не властно в нерегламентируемых сферах, где неизбежно непосредственное человеческое общение, в условиях Молдовы – всегда межэтническое. Очень показательный пример: на табличках маршруток, следующих к главному вещевому рынку Кишинева «*Calea Basarabiei*», водители пишут понятное всем слово «*Tolcioc*» («толчок»). Кишиневский двор отчасти остается хранителем общего языка, основой которого чаще является все же русский; впрочем, это зависит от этнического состава жильцов. Однако таких дворов становится все меньше: подавляющая часть населения столицы живет в современных многоэтажных районах, где степень общительности соседей не столь высока.

Литература

1. Гольдман, А. Монолог / А.Гольдман // Ветка Иерусалима. Альманах писателей-евреев Молдовы. № 2. – Кишинев, 2000.
2. Зайковская, Т.В. Доминанты национальной ментальности и коммуникативное пространство / Т.В.Зайковская // Вестник Славянского университета. Вып. 15. Серия «Филология». – Кишинэу, 2008.
3. Иовицэ, Влад. По ту сторону дождя. Перевод А.Бродского // Влад Иовицэ // Повести и рассказы. – Кишинев, 1981.
4. Казаков, Л. Апрельская акварель // Л. Казаков // Моя Голгофа. Стихи над пропастью. – Кишинев, 2010.

5. Клейман, Р.Я. Культурное наследие евреев Молдовы / Р.Я.Клейман, И.Э.Шихова. – Кишинев: 2010.
6. Смирнов, Валерий. Таки да большой полутолковый словарь одесского языка. В 4-х т. / Валерий Смирнов. – Одесса, 2005.
7. Смирнов, Валерий. Одесский язык / Валерий Смирнов. – Одесса, 2008.
8. Степанов, С.М. Російське мовлення Одеси / С.М.Степанов. – Одеса, 2004.
9. Тартарен из Тараскона (Малиновский Виктор). Баба Чана // Ижболдина, И.А. «Живая старина» в произведениях русских литераторов Бессарабии конца XIX-начала XX вв. Исследования и материалы / И.А. Ижболдина. – Кишинев, 2012.
10. Юнко, Александра. Переулочек бессарабский... / Александра Юнко // Связь времен. – Кишинев, 2010.
11. Юнко, Александра. Мой город / Александра Юнко // Русское поле. Литературно-художественный и публицистический журнал ассоциации русских писателей Республики Молдова. № 1 (3). – Кишинев, 2011.

М.П. Кажарновіч (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)

СТРУКТУРА І ФУНКЦЫІ АНАМАСТЫЧНАЙ МЕТАФАРЫ ПУБЛІЦЫСТЫЧНАГА ДЫСКУРСУ

Публіцыстычны дыскурс займае адметнае месца сярод іншых відаў дыскурсу. Ён уключае ў сябе шырокае кола рознатэматычных тэкстаў, якія тычацца культурнага, палітычнага, эканамічнага, сацыяльнага жыцця грамадства. Публіцыстычныя тэксты закліканы не толькі інфармаваць пра пэўную падзею, але і даць ёй ацэнку, уздзейнічаць на рэцыпіента. У сувязі з гэтым у публіцыстычных тэкстах побач з інфарматыўнасцю зместу важная роля надаецца форме, моўным сродкам, якія б дазволілі не толькі данесці да шырокай аўдыторыі пэўную інфармацыю, але і выклікаць адпаведную рэакцыю. У публіцыстычным дыскурсе назіраюцца дзве выразныя тэндэнцыі: з аднаго боку, гэта імкненне аўтара да максімальнай свабоды, да выражэння сваёй індывідуальнасці, адметнасці аўтарскай манеры, але з іншага – гэта ўжыванне апрабаваных, добра вядомых сродкаў, якія дазваляюць прыхаваць сваю суб'ектыўнасць і суаднесці тэкст з агульнапрынятымі традыцыямі. Шырокае ўжыванне анамастычнай метафары ў публіцыстычных тэкстах з'яўляецца яскравым пацвярджэннем актуальнасці названых тэндэнцый.

Варта адзначыць, што выкарыстанне канататыўных магчымасцей уласнага імя заўсёды было пашыранай з'явай у масавай камунікацыі. Пра гэта сведчыць цэлы шэраг уласных імёнаў, якія на сённяшні дзень перайшлі ў склад апелятыўных адзінак. Па сутнасці гаворка ідзе пра канвенцыяналізаваныя анамастычныя метафары, сігніфікат якіх замацаваны ў слоўніках: “донкіхот – фантазёр, які самааддана змагаецца за адцягненыя ідэалы добра” [4; 182] (*Мікалай Матукоўскі – беларускі Дон Кіхот (Звязда 12.09.2009)*), “донжуан – шукальнік любоўных прыгод, спакуснік жанчын” [4; 181] (*Быць Дон Жуанам сёння прэстыжна (Звязда 16.02.2007)*).

Анамастычная метафара фарміруецца на аснове прэцэдэнтнага імя – агульнавядомага, пашыранага ў камунікацыі, актуальнага ў кагнітыўным плане оніма, які выкарыстоўваецца ў тэксце як культурны знак, своеасаблівы сімвал пэўных якасцей, характарыстык, спосабу паводзінаў. Безумоўна, не кожнае прэцэдэнтнае імя ў публіцыстычным тэксце фарміруе метафарычны кантэкст. Д.Б. Гудкоў вылучыў дэнататыўнае (інтэнсіўнальнае) і канататыўнае (экстэнсіўнальнае) ужыванне прэцэдэнтнага імя [2; 154]. Пры дэнататыўным ужыванні, як і кожнае ўласнае імя, прэцэдэнтны онім абазначае канкрэтную рэалію. Напрыклад, у кантэксце *Пасля выбуху на атамнай электрастанцыі ў Чарнобылі мінула ўжо 27 гадоў (Звязда 26.04.2013)* тапонім *Чарнобыль* абазначае населены пункт, у якім адбылася аварыя на атамнай электрастанцыі. Пры канататыўным ужыванні ў оніме *Чарнобыль* выразна актуалізуюцца семы ‘страшная трагедыя, смяротная катастрофа’: *Не хочам другога Чарнобыля (Звязда 26.04.2006)*. Але часам адзначаюцца абсалютна іншыя шляхі развіцця семантыкі прэцэдэнтнага імя, што стварае нечаканы метафарычны эфект: *А*